

Научная статья
УДК 930.2 + 908
doi: 10.17223/19988613/98/14

Ведущие исследовательские подходы и языки описания колониционных процессов в зарубежной историографии Сибири

Елена Александровна Михайлицина

Томский государственный университет, Томск, Россия, mihailicina@mail.ru

Аннотация. Предпринимается попытка выявить ключевые направления исследований, характерные для современного западного сибиреведения, на основе материалов зарубежного научного журнала «Сибирика». Определены наиболее значимые проблемно-тематические поля в зарубежных сибирских исследованиях (сибирская колонизация, сибирская ссылка, адаптация коренных северных народов), автор рассматривает применяемые зарубежными исследователями теории и концепции, языки описания, методологию исследований при освещении вопросов сибирской колонизации, чтобы сделать выводы об их универсальности и перспективности для современной науки, в том числе отечественной.

Ключевые слова: зарубежная историография Сибири, сибирская колонизация, коренные народы Севера, новая социальная история

Для цитирования: Михайлицина Е.А. Ведущие исследовательские подходы и языки описания колониционных процессов в зарубежной историографии Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 121–126. doi: 10.17223/19988613/98/14

Original article

Leading approaches and frameworks in studying colonization processes in foreign historiography of Siberia

Elena A. Mikhaylitsina

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mihailicina@mail.ru

Abstract. This article synthesizes leading approaches in Siberian studies with a specific ethnographic focus on the indigenous people. The author highlights the growing utility and universality of modern research programs applied to Siberian studies, which incorporate approaches such as new social history, cultural history, and historical structural anthropology. These methodologies are crucial for reconstructing the broad social, economic, legal, and cultural contexts of Siberian colonization and the adaptation processes of local historical communities, shifting the analytical focus from formal historical sources to the everyday lives of historical actors. The study is based on *Sibirica Journal* – a remarkable source of research papers provided by a wide category of scientists and experts interested in Siberian studies.

Among the materials centered around Siberian colonization and Siberian exile there are the works of D. Collins, A. Genes, G. Bourlakov, whose studies have been conducted consistently with new social history, gender history and etc. These modern methods and approaches helped them to come up with some new ideas and conclusions about the consequences of colonization and exile for further historical development of Russia. The author also selected some articles (written by A. Leete, B. G. Purzycki, D. Koester and L. Niglas) demonstrating the changes that indigenous Siberian people experienced under the influence of colonization process. These articles contain valuable ethnographic material collected during the fieldwork and show numerous examples of the adaptation techniques borrowed by the local historical communities.

In general, this research demonstrates how modern interdisciplinary approaches, by focusing on individual narratives and community resilience, contribute significantly to understanding the complex interplay of colonization, cultural adaptation, and the enduring human connection to heritage in Siberia.

Keywords: foreign historiography of Siberia, Siberian colonization, northern indigenous peoples, new social history

For citation: Mikhaylitsina, E.A. (2025) Leading approaches and frameworks in studying colonization processes in foreign historiography of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 121–126. doi: 10.17223/19988613/98/14

Современное сибиреведение, как и современная историография в целом, характеризуется применением большого количества разнообразных научных подходов, методологий, языков описания, а также многообразием проблематики. Отсюда возникает необходимость изучения большого массива теорий, подходов, концепций, проблемных ракурсов современных сибирских исследований, чтобы определить общие теоретико-методологические основания исследуемых проблем. Наибольшую вариативность в применении современных научных программ можно проследить в зарубежном междисциплинарном научном журнале «Сибирика» (*Sibirica Journal*), который объединяет множество разрабатывающих сибирскую проблематику ученых.

Одним из вопросов, породивших разнообразные теории и концепции в сибирских исследованиях как в России, так и за рубежом, является история и характер присоединения Сибири к Российской империи. Исследования сибирской колонизации ведутся в русле колониального дискурса, внутренней колонизации; долгое время господствовали идеи географического детерминизма и теория фронта, пытавшиеся объяснить восточную экспансию Российской империи. В настоящее время в отечественной историографии продолжается дискуссия о терминах, применяемых для обозначения колониационных процессов, тогда как западная сосредоточила свое внимание на последствиях и значении колонизации для коренного населения Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Поскольку центральным аспектом изучения в «Сибирике» является колониальный дискурс, авторы и редакторы журнала подробно обсуждают место Сибири в понимании империализма и колониализма в целом. Они полагают, что каким бы ни был периферийный статус Сибири, каждый, кто изучает российскую историю, знает, что этот регион был ядром имперского развития России. Роль империй и колониализма в развитии и будущем современной социальной, политической и экономической жизни людей во всем мире вызывает неослабевающий исследовательский интерес, и, поскольку Сибирь играла ключевую роль в некоторых из величайших империй в истории – Российской и Монгольской, а также других, изучение ее истории поможет понять не только прошлое человечества, но и настоящее и даже будущее [1. Р. 9].

Авторов журнала «Сибирика» интересуют империи как особые социальные системы власти и ценностей, существующие в конкретные исторические моменты. Их исследования сосредоточены на сходствах и различиях в восприятии империй разными народами. При этом, хотя авторы соглашаются, что Российская империя отличалась от империй Великобритании и Франции, особенно в том, что касается приоритета территориальной безопасности центральной части России над накоплением капитала или других материальных благ, тем не менее эти различия между империей с прилегающими землями и империей с заморскими колониями не отменяют некоторых «поразительных» сходств. Империи XIX и XX вв., по их мнению, удивительно похожи в отношении представлений о колонизированных территориях, а также социальной и управленческой

политикой в отношении небольших (часто называемых «коренными») групп на периферии.

Меньший интерес вызывают исследования сибирской колонизации, касающиеся вопросов сибирской ссылки и адаптации коренных народов в ходе и после колонизации. В зарубежном научном журнале «Сибирика» подобные работы были представлены Д. Коллинзом, Э. Гентесом, В. Мотом, Э.К. Смит и др. В статье Д. Коллинза «Половое неравенство в пограничных сообществах: Сибирь и Новая Франция к 1760», ссылающегося, в свою очередь, на труды Г. Миллера, Н.Н. Оглоблина, А.П. Окладникова, Г.М. Потанина, Н.М. Ядринцева и др., можно проследить тенденцию развенчать представления о несомненной пользе цивилизационного развития (по западному типу) для коренных народов, которое якобы происходило в русле естественного и даже исторически предопределенного расширения границ Российской империи на восток. Подобно другим западным сибироведам (А. Вуд, Дж. Форсит), Д. Коллинз стремится заклеить, пристыдить «белого» человека в его необузданном стремлении к наживе, разграблению колонизируемых земель, не считаясь с многочисленными жертвами среди автохтонного населения, нанося непоправимый ущерб его национальной идентичности, национальному языку, культуре и традиционному образу жизни. Рассматривая вопрос неравенства в соотношении мужчин и женщин как типичную для колониационного процесса черту на примере Канады и Сибири, Д. Коллинз яростно критикует методы царского правительства России в его попытках заселить территорию Сибири русскими и сделать их оседлыми, «семейными» жителями региона, нередко за счет похищения детей и женщин аборигенов: «Акцент на постоянном соотношении мужчин и женщин 1:1 в советских публикациях, таких как “Русские старожилы Сибири”, следует рассматривать как пропаганду, а не как историческую правду. Создатели мифов коммунистического режима были полны решимости, что бы ни указывали документальные источники, навязывать успокоительную “правду” о том, что продвижение в Сибирь было мирным крестьянским семейным делом, а не колониальным процессом, типичным для других европейских империй. Правда же заключалась в том, что обеспечение женщинами российских военнослужащих продолжалось в Восточной Сибири до середины XIX в. за счет коренного населения и рассматривалось как одна из их повинностей» [2. Р. 180]. Тенденциозность такого взгляда очевидна, потому что наряду с пленением, покупкой женщин у коренных жителей в Сибири чаще практиковались договорные браки с крещением жен с дипломатическими и хозяйственными видами. Д. Коллинз кальку отношения белых мужчин к индейским скво в Канаде переносит на Сибирь, не учитывая разницу в типе колонизации. Русские в Сибири были заинтересованы в сохранении местного населения как новых подданных империи, белые в Америке уничтожали индейцев, формируя другой тип хозяйствования.

Как отмечалось выше, с изучения вопросов сибирской колонизации зарубежные историки постепенно переместили фокус на проблемы коренного населения,

исследуя антропологию материальной и духовной культуры и процессы адаптации локально-исторических сообществ. Это проблемно-историческое поле как никакое другое в западном сибиреведении отличается многообразием исследовательских парадигм и языков описания: здесь исследования в русле новой социальной и новой культурной истории и исторической структурной антропологии, а также гендерной истории, микроистории, интеллектуальной истории и др.

Примером такого рода работ являются публикации Эндрю Гентеса, который тоже изучал сибирскую колонизацию и систему ссылки, но уже с позиций новой социальной истории и зародившихся в их русле исторической пенологии и гендерной истории. Социальная история, как известно, отличается от политической истории, которая доминировала на протяжении большей части XIX и начала XX в. «Социальное» в социальной истории означает иметь дело со структурами обществ и социальными изменениями, социальными движениями, группами и классами, условиями труда и образом жизни, семьей, домохозяйством, местными сообществами, урбанизацией, мобильностью, этническими группами и т.д., т.е. социальная история бросила вызов господствующим историческим нарративам, построенным вокруг истории политики и государства или истории идей, подчеркнув вместо этого социальные изменения как основное измерение, вокруг которого строятся исторический синтез и диагностика современного мира [3. Р. 307].

В своих статьях «К вопросу демографии детей в царской системе сибирской ссылки», «Распутницы и хранительницы очага в условиях фронта: женщины и сибирская ссылка с конца XVI в. до начала XIX в.», «Совершенно бесполезные: ссылка инвалидов в царскую Сибирь», впоследствии ставшими частью диссертации, а затем и книги «Ссылка в Сибирь, 1590–1822», Э. Гентес выводит на «историческую сцену» тех акторов сибирской колонизации, которые ранее оставались в тени, «на задворках истории», – женщин, детей, инвалидов, анализирует их роль в этом процессе и приходит к выводу, что бесчеловечные условия сибирской ссылки, возможно, способствовали радикализации женщин и детей ссыльных и стали факторами, во многом обусловившими дальнейшие революционные события в России. «Беспризорность детей ссыльных была не просто симптомом патерналистской автократии, которая фактически оставила их сиротами, – пишет Гентес, – но также, что более существенно, отражала более широкий феномен “отцовского пренебрежения”. Учитывая, что 1917 год и его последствия были связаны с восстанием молодежи и женщин против отцовского авторитета в его различных формах, вполне возможно, что жестокое обращение с детьми в ссылке было важным фактором, который советские историки упустили, когда устанавливали связи между сибирской ссылкой и революцией» [4. Р. 21]. Это, конечно же? явное преувеличение, так как число детей среди ссыльных было невелико.

Другим, не менее интересным исследованием, проведенным в русле гендерной истории на том же предметно-тематическом поле сибирской ссылки, является

работа Гвин Бурлаков «Пол и империя: тюремное заключение женщин в Сибири XVIII в.». Автор (в основном на примере трех женщин-послушниц Введенского девичьего монастыря – княжны Прасковьи Юсуповой, баронессы Степаниды Соловьевой и Анны Алексеевны Павловой) рассматривает то, как светские власти обращались с постриженными в монахини женщинами (как с представительницами элит, так и с обычными заключенными), а также то, как их тюремщики реагировали на приписываемые им личные характеристики, статус, обязанности и другие обстоятельства. Статья посвящена религиозному авторитету женщин-монахинь в роли тюремщиц, которые обладали светской властью над постриженными в монахини как из известных, так и из обычных семей, содержащихся в стенах Далматовского и Введенского монастырей в XVIII в. Власть, предоставленная настоятельнице и принятая ею и другими монахинями, выходила за пределы духовной сферы. Как представительницы религии, они имплицитно функционировали как моральные образцы, а также как надзиратели, которые явно действовали в качестве агентов империи, под контроль которой попадала как российская элита, так и нерусские. Монастыри XVIII в. на сибирской границе усложняют представительство, роль и функции женских монастырских общин, показывая, что эти женщины также были наделены полномочиями для управления имперскими пространствами и их подданными.

Основываясь на работе Джудит Ваулз «Сексуальность и тело в русской культуре», Г. Бурлаков предполагает, что женщины в русском обществе не считались ни «морально чище» мужчин, ни экономически зависимыми от мужчин. По ее мнению, некоторые современные исследователи ошибочно характеризуют женщин в России XVIII в. как жертв или «пешек патриархата, ограниченных ролью, влиянием и правовым статусом, которые мужчины соизволили дать им» [5. Р. 8]. Тем не менее, несмотря на то что некоторые путешественники-иностранцы в России в XVIII в. смотрели на русских дворянок, как на соответствующих предписанным моделям европейской женственности, которые воплощали нравственную чистоту и скромность и объясняли зависимость женщин от мужчин их «естественной» физической слабостью и душевной хрупкостью, эти же путешественники обнаружили, что представительницы российской элиты довольно далеки от этого образа. Французский путешественник Шарль Франсуа-Филибер Массон и британки сестры Вильмонт и Джейн (Рондо) Вигор описывали русских аристократок и богатых молодых женщин в провинции как властных, грубоватых женщин, что не соответствовало их собственным идеалам женственности. Демонстрируя противоречивые чувства отвращения и восхищения, они в целом находили русских женщин, их грубый язык, равнодушие к мужчинам и участие в общественной жизни неестественными и довольно неприятными. Гендерная иерархия также была нестабильной среди жен военных губернаторов и видных военнослужащих. Женщины использовали свою власть и авторитет в отсутствие и даже в присутствии своих влиятельных мужей.

Исследовательница также отмечает, что в восприятии европейских путешественников того времени «гендерные характеристики в России даже в конце XVIII в. были плохо адаптированы к европейским моделям, что еще раз демонстрирует экзотическое, “восточное” отличие России от “западной” Европы». Это и другие наблюдения также позволили автору глубже проникнуть в суть такого вида тюремного наказания женщин, как постриг в монахини [5. Р. 9].

Другим интересным исследованием, проведенным в русле гендерной истории и истории повседневности, является статья Биргитты Ингемансон «Владивосток Элино Л. Прэй: портрет, 1894–1930». Элино Лорд Прэй (1868–1954) – американка из Новой Англии, жившая во Владивостоке с середины 1894 по 1930 г. и писавшая почти ежедневно письма своим родным и друзьям из разных частей света. Элино тщательно и достоверно описывала свою повседневную жизнь, сцены из городской жизни, исторические события, свидетельницей которых она стала. Коллекция, содержащая более двух тысяч объемных писем, иллюстрированных сотнями фотографий из альбомов миссис Прэй, представляет собой уникальный источник сведений о старом Владивостоке, его жителях и традициях и вносит огромный вклад в изучение истории ранней городской буржуазии, которую составляли русские, скандинавские, немецкие и американские торговцы, консулы и служащие.

Во время военно-политических конфликтов 1918–1922 гг. Элино была добровольцем Красного Креста и Молодежной Христианской Ассоциации, действовавшей во Владивостоке в то время. После отречения царя от престола в марте 1917 г. последовавшие за этим пять лет почти постоянных правительственных изменений во Владивостоке в конечном итоге привели Элино, хоть и временно, к принятию советской победы. К этому времени она была свидетелем того, как раннее советское городское правительство было вытеснено Чешским легионом (июнь 1918 г.), как прибыли американские экспедиционные силы (август 1918 г.), наблюдала восстание генерала Гайды (ноябрь 1919 г.), мятеж войск генерала Розанова (январь 1920 г.), смену местного руководства – Хорват, Дербер, Дитрихс, Меркулов. Ее официальные письма в американский Красный Крест полны описаний тягот военного времени и отражают человеческую цену продолжавшейся борьбы [6. Р. 83].

Что касается вопроса адаптации коренных народов Сибири и Дальнего Востока в ходе сибирской колонизации, в том же журнале «Сибирика» представлено множество статей, посвященных проблемам национальной идентичности и самоидентичности индигенных народов, религиозного и политического самоопределения, проблемам сохранения национальных языков, культуры и традиционных промыслов и даже вопросу сохранения или изменения черт национального характера под влиянием русской колонизации (работы Дж. Шевалье, Дж. Зикера, Ш.Хадженс, А.Д. Кинга, Ж. Фергюсон, С. Хууско, К. Метцо, Э. Пирс, А. Леэте и др.) Одной из наиболее примечательных работ в этом ряду является статья эстонского этнолога Арта Леэте «Тишина

в лесах: финно-угорские народы Русского Севера и Западной Сибири в этнографической литературе с XVIII по начало XX в.», посвященная исследованию этнографических, философских и политических предпосылок к формированию образа северных народов как «безмолвных». В ранних этнографических работах эти народы описывались как люди агрессивные, однако с конца XVIII в. этот образ был пересмотрен, и в научной литературе был введен другой взгляд на характер коренных народов как «безмолвный, тихий». Такое поведение оценивалось как архаичное качество финно-угорского темперамента или же как результат колониального столкновения. Несмотря на очевидное противоречие, автор пишет, что «иногда самоеды и обские угры рассматривались как воинственные, агрессивные, поскольку были испорчены цивилизацией». Ученые и путешественники XVIII и XIX вв. затронули проблему российского влияния на личностные черты коренных народов Западной Сибири в целом и «модель безмолвного поведения» в частности. По словам автора, это был один из самых популярных мотивов в описании динамики культурных изменений на Русском Севере. Ученые и путешественники считали, что коренные племена деградировали и могут утратить последние следы своей подлинной культуры. Этнографические отчеты содержат описания дегенерации народов Западной Сибири, проявлявшейся во всех сферах жизни: исчезновение народных традиций и исконных моральных устоев, замена самодельных орудий труда и одежды промышленными изделиями, а также распространение потребления алкоголя. Потеря естественного для них спокойствия, миролюбия под влиянием более цивилизованных народов (в основном русских) воспринималась как один из показателей общего ухудшения жизни «благородного дикаря». Трансформация образа северных народов – от агрессивных дикарей в предыдущих описаниях до непритязательных и угнетенных ненцев и обских угров в XVIII–XIX вв. – тесно связана с усилением политической интеграции коренных народов в Российскую империю. А. Леэте согласен с другими этнографами (Миллер, Кастрен, Хартвиг), что коренные северные народы не смогли своевременно адаптироваться к меняющимся экономическим и социальным условиям XIX в., и это привело к их маргинализации и социальному «безмолвию» [7. Р. 13].

С точки зрения исследовательских подходов и языков описания в данном проблемно-тематическом поле преобладают работы, созданные в русле культурной и исторической структурной антропологии, в которых западные сибиреведы стремятся продемонстрировать широкий круг разнообразных источников, результаты полевых исследований, используют метод «насыщенного описания».

В журнале «Сибирика» примером подобного рода можно назвать статью Бенджамина Гранта Пуржицкого «Духовные наставники, ритуальные пирамиды и адаптивная религиозная система в Тыве», в которой автор рассуждает о современной роли ритуальной пирамиды камней в адаптации тувинцев к последствиям колонизации. По мнению автора, тувинские концепции

духовных наставников, приписываемые им области знания и места их поклонения демонстрируют признаки адаптивной функции коренных народов. Опираясь на данные современных когнитивных и эволюционных экологических исследований религии, Б.Г. Пуржицкий анализирует интервью, собранные в Республике Тыва летом 2009 г., и выстраивает интерпретацию того, почему традиция ритуальной пирамиды камней (оваа) развивалась и сохраняется до сих пор в Центральной Азии. Он утверждает, что поскольку большинство пирамид камней, которые проходят люди, находится на территориях других кланов, не являющихся их родственниками, практика пирамиды камней эволюционировала, чтобы предоставить места для выражения солидарности с другими представителями их народа, способствуя расширению сотрудничества и социальным связям, что отличается от традиционной функции подобных ритуальных мест [8. Р. 21].

В другой работе «Охота в Ительмене: съемка практик прошлого на исчезающем языке», авторы – антрополог Дэвид Костер и этнолог Лийво Ниглас – проводят исследование в русле «антропологии спасения», как они сами обозначают, ставя цель не только запечатлеть охотничьи практики коренных ительменов, но и записать на видеопленку исчезающий ительменский язык. Авторы не стремились отыскать аутентичные традиции охоты «древнего доколониального прошлого», а хотели лишь задокументировать охотничьи традиции и рассказы о них такими, какими они существуют в воспоминаниях и языке современных ительменов. Героями фильма «Ительменские истории», ставшего результатом полевых исследований, проведенных в 2008 г. на Камчатке, являются коренные ительмены – Георгий и Павел, чья жизнь репрезентует многие типичные черты судеб коренных ительменов в советский и постсоветский периоды. Георгий вырос в традиционной, в основном одноязычной деревне, но получил советское образование на русском языке, пожил и поохотился в разных местах Камчатского края, затем переехал в более крупное советское поселение, постепенно утратив связь с традициями. Павел – представитель молодого поколения ительменов, для которого родной язык стал лишь отзвуком прошлого. Однако у него возникло сильное желание вернуться в родные места (Сопочное) и восстановить прежние традиции охоты. Фильм, таким образом, представляет собой видеоотчет о путешествии героев по местам традиционного проживания ительменов – Морошечное, Россошино, Сопочное, Верхнее Хайрюзово, Ковран, мно-

гие из которых теперь заброшены, – вызвав в памяти рассказчиков множество воспоминаний и историй об охотничьих стоянках. Признавая традиционную для метода «антропологии спасения» критику «музеификации» традиционной культуры – статичного запечатления культуры в моменте, отсутствие динамизма и спонтанности языка и культуры, – авторы, однако, полагают, что «музеификация» выполняет важную функцию: «Музеи существуют, потому что помогают установить связь с прошлым, с которым люди хотят поддерживать связь». То есть, несмотря на значительные изменения культуры, образа жизни, языка, всего комплекса социальных отношений и религиозных практик, которые ительменская культура претерпела за столетия со времен прихода русских, все еще сохраняется чувство единения ительменов со своим прошлым, своими предками, жившими на Камчатке задолго до колонизации, во многом благодаря историческим свидетельствам своего происхождения, этнографическим отчетам, подтверждающим активную социальную и культурную жизнь их предков. В то же время, хотя осталось очень мало носителей ительменского языка, работа по его документированию и возрождению, которая все еще продолжается, может быть описана как монументальная [9. Р. 77].

Рассмотрение значительного количества научных работ, посвященных сибирским исследованиям, созданных в рамках наиболее сильных современных научно-исследовательских программ, породивших, в свою очередь, разнообразные теории и концепции, с успехом применяемые в западном сибиреведении, позволяет сделать вполне однозначный вывод об их универсальности, перспективности и плодотворности для науки, в том числе отечественной. Исследования сибирской колонизации, системы ссылки, процессов адаптации сибирских локально-исторических сообществ в ходе колонизации, проведенные с позиций новой социальной и новой культурной истории, исторической структурной антропологии и других подходов, реконструируют широкий социальный, экономический, правовой, культурный контекст, выявляя многообразные взаимосвязи изучаемых явлений, а также пересматривают устоявшиеся представления о некоторых явлениях в истории Сибири, переводя фокус с изучения «формальных» исторических источников на повседневную жизнедеятельность их исторических акторов. Вместе с тем заметна тенденция переносить характеристики колонизации Америки на Сибирь, считая их универсальными.

Список источников

1. King A.D. The Siberian Studies Manifesto // *Sibirica*. 2006. № 5 (1). P. 5–15. doi: 10.3167/136173606780265298
2. Collins D. Sexual imbalance in frontier communities: Siberia and New France to 1760 // *Sibirica*. 2004. № 4 (1). P. 162–185. doi: 10.1080/13617360500150194
3. Conrad Ch. Social History // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / ed. by J.D. Wright. 2nd ed. Elsevier, 2015. P. 307–312. doi: 10.1016/B978-0-08-097086-8.62127-X
4. Gentes A.A. Towards a Demography of Children in the Tsarist Siberian Exile System // *Sibirica*. 2006. № 5 (1). P. 1–23. doi: 10.3167/136173606780265270
5. Bourlakov G. Gender and empire: the imprisonment of women in eighteenth-century Siberia // *Sibirica*. 2020. № 19 (1). P. 5–40. doi: 10.3167/sib.2020.190103
6. Ingemanson B.M. Eleanor L. Pray's Vladivostok: a Portrait, 1894–1930 // *Sibirica*. 2008. № 7 (1). P. 73–88. doi: 10.3167/sib.2008.070105
7. Leete A. Silence in the Woods: Finno-Ugric Peoples of the Russian North and Western Siberia in the Ethnographic Literature from the Eighteenth to the Beginning of the Twentieth Century // *Sibirica*. 2019. № 18 (2). P. 1–26. doi: 10.3167/sib.2019.180202

8. Purzycki B.G. Spirit masters, ritual cairns, and the adaptive religious system in Tyva // *Sibirica*. 2010. № 9 (2). P. 21–47. doi: 10.3167/sib.2010.090202
9. Koester D., Niglas L. Hunting in Itelmen: Filming a Past Practice in a Disappearing Language // *Sibirica*. 2011. № 10 (3). P. 55–81. doi: 10.3167/sib.2011.100303

References

1. King, A.D. (2006) The Siberian Studies Manifesto. *Sibirica*. 5(1). pp. 5–15. doi: 10.3167/136173606780265298
2. Collins, D. (2004) Sexual imbalance in frontier communities: Siberia and New France to 1760. *Sibirica*. 4(1). pp. 162–185. doi: 10.1080/13617360500150194
3. Conrad, Ch. (2015) Social History. In: Wright, J.D. (ed.) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd ed. Elsevier. pp. 307–312. doi: 10.1016/B978-0-08-097086-8.62127-X
4. Gentes, A.A. (2006) Towards a Demography of Children in the Tsarist Siberian Exile System. *Sibirica*. 5(1). pp. 1–23. doi: 10.3167/136173606780265270
5. Bourlakov, G. (2020) Gender and empire: the imprisonment of women in eighteenth-century Siberia. *Sibirica*. 19(1). pp. 5–40. doi: 10.3167/sib.2020.190103
6. Ingemanson, B.M. & Eleanor, L. (2008) Pray's Vladivostok: a Portrait, 1894–1930. *Sibirica*. 7(1). pp. 73–88. doi: 10.3167/sib.2008.070105
7. Leete, A. (2019) Silence in the Woods: Finno-Ugric Peoples of the Russian North and Western Siberia in the Ethnographic Literature from the Eighteenth to the Beginning of the Twentieth Century. *Sibirica*. 18(2). pp. 1–26. doi: 10.3167/sib.2019.180202
8. Purzycki, B.G. (2010) Spirit masters, ritual cairns, and the adaptive religious system in Tyva. *Sibirica*. 9(2). pp. 21–47. doi: 10.3167/sib.2010.090202
9. Koester, D. & Niglas, L. (2011) Hunting in Itelmen: Filming a Past Practice in a Disappearing Language. *Sibirica*. 10(3). pp. 55–81. doi: 10.3167/sib.2011.100303

Сведения об авторе:

Михайлицина Елена Александровна – старший преподаватель кафедры международной деловой коммуникации факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mihailicina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mikhaylitsina Elena A. – Senior Teacher at the Department of International Business Communication, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihailicina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 12.08.2025; accepted for publication 15.11.2025